

В февральском Париже ярко светило солнце. В аэропорту Ле-Бурже оно холодно сияло с льдисто-голубого неба, поблескивая на взлетно-посадочных полосах, все еще мокрых после ночного дождя. День манил выйти на воздух, и они соблазнились и вышли на террасу, однако тут же убедились, что настоящего тепла от солнца нет, а веселый ветерок держит ветровые конусы под прямым углом и сечет, словно острием ножа. Они сдались, пошли в ресторан подождать, когда объявят рейс Эммы, и теперь сидели за столиком, попивая черный кофе и куря сигареты Кристофера.

Увлеченные разговором, они не обращали внимания ни на кого вокруг, но сами, однако, привлекали внимание. И не могли не привлечь. Яркая парочка. Эмма, высокая, черноволосая. Зачесанные со лба и схваченные черепаховым обручем волосы густой гривой спускались ниже лопаток. Красивой ее вряд ли можно было назвать — слишком резкой лепки лицо, с высо-

кими скулами, прямой нос и волевой подбородок, — но неожиданно большие серо-голубые глаза и большой рот, уголки которого опускались, когда она не могла настоять на своем, и растягивались в улыбке от уха до уха, как у мальчишки, когда была счастлива, придавали ей какое-то особое очарование. Сейчас она была счастлива. В этот холодный сияющий день на ней были ярко-зеленые брюки и белый свитер с высоким воротом, отчего ее лицо выглядело очень смуглым, однако ее необычная внешность никак не сочеталась с огромным количеством багажа, который ее окружал. Казалось, что это груда вещей, спасенных от какого-то стихийного бедствия.

На самом же деле, это было имущество, скопившееся за шесть лет жизни за границей, — но кому это было известно? Три чемодана уже были сданы в багаж, причем их регистрация обошлась в немалую сумму, но при ней еще остались парусиновая дорожная сумка, бумажная сумка из супермаркета, откуда выглядывали длинные французские батоны, корзина, набитая книгами и пластинками, плащ, лыжные ботинки и громадная соломенная шляпа.

Обозрев этот скарб, Кристофер без особого беспокойства стал размышлять, как же пронести все это в самолет.

— Шляпу, ботинки и плащ можешь надеть на себя. Тремя вещами станет меньше.

— Но я уже в ботинках, а шляпу сдует ветром. Плащ ужасен, в нем я выгляжу, как перемещенное лицо. Не понимаю, зачем я его вообще взяла?

— Затем, что в Лондоне будет дождь.

— А может, не будет.

— Он там идет всегда. — Кристофер прикурил от окурка очередную сигарету. — Еще один довод за то, что ты должна остаться со мной в Париже.

— Мы уже сто раз с тобой это обсуждали. Я возвращаюсь в Англию.

Он усмехнулся, впрочем благодушно. В глазах у него светились желтые искорки, и когда он улыбался, внешние уголки глаз приподнимались, и он, долговязый, с ленивыми движениями, странным образом становился похожим на большого длинного кота. Одет он был небрежно и пестро, несколько богемно. Узкие вельветовые брюки, сапоги «чакка» для верховой езды, довольно поношенные, ситцевая голубая рубашка, надетая поверх желтого свитера, и замшевая куртка, очень старая, залоснившаяся на локтях и на воротнике. Он был похож на француза, хотя на самом деле был англичанином, как и Эмма, и даже, можно сказать, ее родственником: давным-давно, когда Эмме было шесть, а Кристоферу десять лет, отец Эммы, Бен Литтон, женился на Эстер Феррис, матери Кристофера. Союз их, нельзя сказать, чтобы с успехом,

длился полтора года и в конце концов распался; теперь Эмма вспоминала эти полтора года как единственный период в ее жизни, когда у нее была более или менее обычная семья.

Это Эстер настояла на покупке коттеджа в Порткеррисе. Бен еще задолго до войны купил там домик, где устроил мастерскую, но удобства в доме просто-напросто отсутствовали, и Эстер, едва взглянув на убогую лачугу, в которой предлагалось поселиться, немедленно приобрела два рыбацких коттеджа, соединила их в один и обустроила с присущим ей вкусом. Бена подобные заботы совершенно не интересовали, это стал, по сути, дом Эстер и это она настояла на хорошо оборудованной кухне, на бойлере, где грелась бы вода, и большом камине, где ярко горели бы поленья, — сердце дома, его центре, у которого могли бы играть дети.

Намерения у Эстер были прекрасные, но методы претворения их в жизнь не столь успешные. Она готова была идти на какие-то уступки. Она вышла замуж за гения, его репутация была ей известна, и она приготовилась закрывать глаза на его амурные делишки, на сомнительных друзей и на его отношение к деньгам. Но в итоге, как это часто случается и в самых обыкновенных браках, потерпела поражение из-за мелочей. Забытая, несъеденная еда. Самые обычные счета месяцами лежали неоплаченными. Бен по-прежнему предпочитал выпивать

в местном кабаке, вместо того чтобы делать это цивилизованно, дома, с ней вместе. Она была повержена окончательно, когда он запретил ей поставить в доме телефон, купить машину. В доме то и дело появлялись какие-то бродяги, и он укладывал их спать на ее софу; ну и последнее — он никогда ничем не проявил хотя бы какую-то привязанность к ней.

Забрав Кристофера, Эстер покинула его и чуть ли не в тот же день подала на развод. Бен с радостью его ей дал. Он был также в восторге оттого, что ему больше не попадется на глаза мальчик. Они не ладили. Бен ревностно оберегал свое мужское верховенство в доме, а Кристофер, уже в свои десять лет, был индивидуумом, который не позволял, чтобы его игнорировали. Несмотря на все старания Эстер, этот антагонизм не затухал. Даже красота мальчика — Эстер свято верила, что глаз художника оценит ее, — имела прямо противоположный эффект, и когда Эстер уговаривала Бена написать портрет Кристофера, он отвечал отказом.

После их отъезда жизнь в Порткеррисе очень быстро вошла в старую ухабистую колею. Об Эмме и Бене поочередно заботились какие-то безалаберные особы женского пола, то манекенщицы, то студентки-художницы, они входили в жизнь Бена Литтона и выходили из нее с монотонной последовательностью хорошо упорядоченной очереди к кинотеатру. Единственно,

что между ними было общего, — это льстивое преклонение перед Беном и надменное игнорирование хозяйственных дел. Эмму они по возможности старались не замечать, а она, по правде говоря, не так уж и скучала по Эстер. Она, как и Бен, устала оттого, что ею все время руководили и все время заставляли переодеваться в чистую одежду. Но с Эстер уехал и Кристофер, и в жизни Эммы образовалась брешь, которую никем и ничем невозможно было заполнить. Она тосковала по нему, писала ему письма, но не осмеливалась узнать у Бена адрес, и письма оставались неотправленными. В какой-то день, измученная одиночеством, она решила отыскать его и убежала из дома. Начинать пришлось с местной станции и покупки билета в Лондон, а денег у нее было всего-навсего полтора шиллинга, и начальник станции, который знал Эмму, повел ее в свою комнатку, где пахло керосиновыми лампами и каменным углем, горевшим в печурке, налил ей из эмалированного чайника чашку чая и проводил домой. Бен и не заметил ее отсутствия — он работал. Больше она Кристофера не искала.

Эмме было тринадцать лет, когда Техасский университет предложил Бену преподавательскую стипендию на два года, и он немедленно принял предложение, даже и не вспомнив об Эмме. Когда стали обсуждать, что же делать с Эммой, Бен объявил, что просто возьмет ее

с собой в Техас, но кто-то из друзей — вероятно, Маркус Бернстайн — убедил Бена, что Эмме лучше быть подальше от него, и ее отправили в частную школу в Швейцарию. Три года она прожила в Лозанне — ни разу за это время не побывав в Англии, — а затем еще на год уехала во Флоренцию изучать итальянский язык и искусство Ренессанса. Бен в это время жил в Японии. Эмма написала, что хотела бы поехать к нему, но он ответил телеграммой: «ВТОРАЯ ПОСТЕЛЬ ЗАНЯТА ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ ГЕЙШЕЙ ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПОЖИТЬ В ПАРИЖЕ».

Рассудив философски — ей уже исполнилось семнадцать, и жизнь научила ее ничему не удивляться, — Эмма поступила так, как он предлагал. Она нашла себе работу — нанялась гувернанткой в семью Дюпре. Жили они в большом академическом доме на бульваре Сен-Жермен, отец был профессором медицины, мать преподавательницей. Эмма заботилась о троих их благовоспитанных детях, учила их английскому и итальянскому, в августе выезжала вместе с ними на скромную семейную виллу в Лаболь и терпеливо дожидалась, когда Бен вернется в Англию. В Японии он прожил полтора года, а когда наконец вернулся, то через Соединенные Штаты, проведя месяц в Нью-Йорке. Маркус Бернстайн вылетел в Штаты, чтобы

встретить его там, и, как повелось, Эмма узнала, что появилась возможность для их воссоединения, не от самого Бена и даже не от Лео, который обычно был для нее источником информации, а из большой и богато иллюстрированной статьи во французском журнале «Реалите», где речь шла о новом Музее изящных искусств, открывшемся в Куинстауне в штате Виргиния. Этот музей был мемориалом богатого виргинца Кеннета Райана, возведенным его вдовой, и один из его отделов — картинная галерея — открывался ретроспективной выставкой работ Бена Литтона, от довоенных пейзажей до поздних абстракционистских картин.

Такая выставка была очень почетна, и, естественно, предполагалось, что художник должен быть всеми почитаемым Великим Старым Мастером. Эмма разглядывала одну из фотографий Бена — резкие линии и контрасты: темный загар, острый подбородок и белоснежные волосы. Интересно, как сам он относится ко всем этим почестям? Всю свою жизнь он бунтовал против всевозможных торжественных церемоний, и Эмма представить себе не могла, что он покорно принимает титул «Великий».

— Но какой мужчина! — воскликнула мадам Дюпре, когда Эмма показала ей фотографию. — Он очень привлекателен.

— Да, — со вздохом сказала Эмма. — В том-то и беда.

Он возвратился в Лондон в январе вместе с Маркусом и сразу же отправился в Порткеррис работать. Это подтвердил в письме Маркус. В тот день, когда Эмма получила это письмо, она пошла к мадам Дюпре и заявила, что увольняется. Супруги Дюпре всячески ее уговаривали, улещивали, предлагали увеличить зарплату, однако Эмма была непреклонна. Она, можно сказать, шесть лет не видела отца. Пришло им время узнать друг друга. Она поедет в Порткеррис, чтобы жить возле него.

В конце концов они согласились ее отпустить. Собственно, выбора у них не было. Эмма заказала билет и начала укладываться, выбрасывая какие-то вещи из накопившихся за шесть лет, а остальное впихивая в обшарпанные, много попутешествовавшие чемоданы. Но их не хватило, и Эмма поняла, что надо купить корзину, большую французскую корзину для рынка — туда поместятся всякие неудобные предметы, которые больше никуда не укладывались.

День был холодный, пасмурный; до отлета оставалось два дня. Мадам Дюпре была дома, Эмма объяснила ей свою заботу и, оставив детей на ее попечение, отправилась за корзиной. А на улице, оказывается, и вовсе моросил дождик, мелкая холодная изморось. Блестела мокрая булыжная мостовая на узкой улочке. Большие блеклые дома стояли в сумраке молчаливые, замкнутые, похожие на людей, которые не

привыкли выдавать свои чувства. С реки доносились гудки буксира и где-то высоко, в тумане, уныло покрикивала одинокая чайка. Эмме показалось, что она уже в Порткеррисе, а не в Париже. Решение, которое так долго подспудно зрело у нее в голове, перешло в ощущение — ей казалось, что она уже там, в Порткеррисе, и улочка идет не на бульвар Сен-Жермен, а вот-вот выведет ее на дорогу к гавани, сейчас время прилива, серое море подступило к самому берегу, качаются на волнах лодки, за северным пирсом накат высоких ветровых волн, и дальше весь морской простор пестрит белыми барашками. Сейчас поплывут такие знакомые запахи: запахнет рыбой с рынка, горячими шафранными кексами из булочной, а все маленькие летние лавчонки будут заперты и ставни на них закрыты — до летнего сезона. И в мастерской на берегу работает Бен; из-за холода он в перчатках; ослепительно-яркие мазки на холсте словно сражаются с серой тучей, наползающей на северное окно в потолке студии...

Она едет домой! Через два дня она будет там. Дождик сек ей лицо, а ее вдруг охватило нетерпение — больше ждать невозможно! — и, счастливая, она пустилась бежать и пробежала всю дорогу до маленькой *épicerie*¹ на бульваре Сен-Жермен, где она купит корзину.

¹ Бакалейная лавка (*фр.*).

Лавочка была маленькая, благоухающая свежим хлебом и чесночными сосисками; с потолка, точно большие белые бусины, свисали связки лука; у стенки выстроились бутылки с вином, которое окрестный рабочий люд покупал литрами. Корзины, нанизанные на одну веревку, висели у входной двери. Эмма не решилась развязывать ее, чтобы выбрать подходящую корзину, опасаясь, что вся связка рухнет на тротуар, поэтому она вошла в лавочку позвать кого-нибудь, чтобы ей помогли. Там была только одна полная женщина с родинкой на щеке, она занималась с покупателем. Эмма подождала. Покупателем был молодой человек, светловолосый, в мокром плаще. Он покупал длинный батон хлеба и кружок деревенского масла. Эмма посмотрела на него и решила, что, по крайней мере со спины, он довольно привлекателен.

— Combien?¹ — спросил он.

Толстуха взяла огрызок карандаша, подсчитала на бумажке и сообщила ему. Он полез в карман, заплатил, повернулся, улыбнулся Эмме и направился к двери.

Но, взявшись за ручку двери, он остановился, медленно обернулся и еще раз взглянул на Эмму. Она увидела янтарные глаза, медленную, недоверчивую улыбку.

Лицо было то же — знакомое мальчишечье лицо на незнакомом мужском туловище. Виде-

¹ Сколько? (фр.).

ние Порткерриса, которое только что так зримо посетило ее, продолжалось: еще один плод ее разыгравшегося воображения. Конечно, это не он. Этого не может быть...

Она услышала свой голос: «Кристо...» Сама того не сознавая, она назвала его тем именем, которым звала когда-то. Он тихо произнес: «Просто не могу поверить!» — а потом уронил свои свертки, простер руки, и Эмма упала в них и крепко прижалась к блестящему от дождя плащу.

У них было два дня, чтобы провести их вместе. Эмма сказала мадам Дюпре: «Мой брат в Париже», и мадам, смирившись с тем, что ей все равно придется обходиться без Эммы, в общем-то добрая женщина, отпустила ее. В эти два дня они с Кристофером бродили по парижским улицам; стояли на мостах, наблюдая, как проплывают внизу баржи, держа путь на юг, к солнцу; сидели за маленькими круглыми железными столиками в тощем солнечном свете, попивая кофе, а когда шел дождь, находили убежище в соборе Нотр-Дам или в Лувре, присаживались на ступеньки по соседству с Никой Самофракийской. И говорили. Так много надо было спросить, столько рассказать. Эмма узнала, что после нескольких фальстартов Кристофер решил стать актером. Пошел против своей матушки — полтора года, прожитые с Беном Литтоном, привили ей стойкую идиосинкразию к ар-

тистическим натурам, — но сын стоял на своем и даже сумел получить стипендию в РАДА¹. Два года проработал в репертуарном театре в Шотландии, затем переехал в Лондон, где дела его пошли не слишком успешно; немного снимался на телевидении, и в это время один приятель пригласил его в Сен-Тропе, где у его матери был дом, и Кристофер устроил себе небольшие каникулы.

— Сен-Тропе зимой? — не могла не удивиться Эмма.

— Зимой или никогда. Летом нас никто не приглашал.

— А не холодновато ли там зимой?

— Ужасно холодно! И все время шел дождь. Ставни дребезжали от ветра. Как в фильме ужасов.

В январе он возвратился в Лондон повидаться со своим агентом, и тот предложил ему контракт на год с небольшой репертуарной компанией на юге Англии. Не о такой работе он мечтал, но это все же лучше, чем ничего, и у него уже кончаются деньги, и театрик находится недалеко от Лондона. Работа, однако, начинается только с марта, он снова поехал во Францию, чтобы закончить свои дела в Париже, и вот наконец-то встретил Эмму. Теперь он примириться не мог с тем, что она так скоро улетает

¹ РАДА (Royal Academy of Dramatic Art) — Королевская академия драматического искусства.

в Англию, и делал все, чтобы заставить ее переменить свое решение, отложить отъезд и остаться с ним в Париже. Но Эмма была непреклонна:

— Ты не понимаешь — я должна это сделать!

— Старик даже и не приглашает тебя приехать. Будешь путаться у него под ногами, мешать его амурным делишкам.

— Никогда не мешала... Я имею в виду — не вмешивалась в его жизнь. — Эмма засмеялась — такое упрямое выражение было у Кристо на лице. — Да и какой смысл мне оставаться в Париже — тебе же в следующем месяце возвращаться в Англию.

Кристофер скривился:

— Хорошо бы не возвращаться. Представляешь, какой-то задрипанный театрик в Брукфорде. Каждые две недели репетируют новую пьесу. С ума сойдешь! К тому же меня не ждут там раньше чем через две недели. Если бы ты еще могла побыть в Париже...

— Нет, Кристо.

— Сняли бы небольшую мансарду. Ты только представь, как было бы весело! На ужин хлеб и сыр и вдоволь простого красного вина.

— Нет, Кристо.

— Париж весной... голубые небеса, деревья в цвету и все такое прочее.

— Весна еще не пришла. Все еще зима.

— Ты всегда такая некомпанейская?

Пилчер Р.

П 32 Начать сначала : роман / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. И. Архангельской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 256 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-22068-3

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» — и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха.

В романе «Начать сначала», как и во многих книгах Пилчер, основное действие разворачивается в прекрасном, суровом, ветреном Корнуолле. Эмма мечтает провести там несколько недель вместе с отцом, посвятившим себя искусству. Она, как никто другой, нуждается в близких людях, но ей многое придется пережить, чтобы понять важную вещь: иногда отпустить того, кого любишь, — это первый шаг к сохранению любви...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР
НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Золотова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.10.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 11,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

H-MBB-31832-01-R